

«Лично знаю Понтия Пилата»

ТВ Парк.-
1997. - 8 дек.-
с. 10-12.

Борис Иванов

«Если пересчитать, скольких я в своей актерской работе перевешал, утопил, расстрелял, предал людей, то это просто страх Господень».

— Борис Владимирович, вы все время в движении, все время куда-то спешите. Радио, телевидение, театр, кино. Не устаете?

— Многие этому удивляются. Видно, произвожу впечатление человека, который должен в подушках сидеть. Недавно шел по улице в Матвеевском, рядом остановился пожилой человек и спросил: «Скажите, я до Можайки скоро дойду?». И тут же осекся: «Ой, я вас узнал! И вы все еще работаете?». Я: «А что, я так плохо выгляжу?» — «Да-а, постарел, постарел...» Я, конечно, ему самому мог бы сказать: «Да ты сам-то и за три дня до Можайки не дойдешь!». Но это так же незачинно, как спросить даму: «А сколько вам лет?!». Что же до меня, то что еще делать, кроме как работать?!

— Наверное, вы прирожденный оптимист.

— Я родился в Одессе и до начала войны там жил. Это было чудное время, и да, я действительно одессит, люблю жизнь, одесский юмор, анекдоты, но Боже меня упаси от какой-то пошлости или гадости. Одесситы — прежде всего джентльмены. А когда передо мной на сцене начинают с блатной улыбочкой нечто такое изображать и пальцы веером — это не одесситы, это шпана, которую там терпеть не могли. Лучший одессит для меня — Марк Бернес. У меня все друзья были такие. В Одессе не делили людей по национальностям, на богатых и бедных, там делили на остроумных и неостроумных, скупых или щедрых.

— А в вас с самого детства, наверное, все видели актера?

— Совсе нет. Мои родители, простые русские люди, не ожидали, что я в актеры пойду. Мама хотела, чтобы я стал врачом. Да и для других это было неожиданно. В школе у нас была учительница математики Дебора Борисовна. Но я очень плохо знал эту математику, совершенно не рубил в ней. И когда Дебора Борисовна узнала, что я хочу поступить в театральное училище, она

«Сколько прожито!»

сказала: «Боречка! Неужели вы правда пойдете в театр? Таки ради этого я вам поставлю тройку».

— И вы поступили...

— В 1937 году — в Одесский театральный институт. Но уже лет в четырнадцать стал статистом в Одесском оперном театре. Мне надо было из школы, где я учился, пробежать Подбельского, Дерибасовскую, повернуть на Ришельевскую, забежать в Театральный переулок, войти в служебный вход и успеть на репетицию. Иногда еле успевал. Был такой знаменитый режиссер Владимир Лосский, могоикан оперной сцены. Он ставил «Аиду». На прогоне я за фараоном держал опахало. Помню, на сцене массовка человек сорок, хор в шестьдесят человек, солисты, «банда», то есть духовой оркестр. Прибежал я с опозданием, успел схватить это опахало и встал. Тут Лосский посмотрел на меня, заметил и подмигнул. Я ему кивнул — мол, все в порядке, я тут. Он еще раз посмотрел на меня и опять подмигнул — мол, не волнуйся. Я опять кивнул — мол, я же здесь, все нормально.

И только потом узнал, что это у него тик был на лице. Стало очень стыдно... Тогда я ничем, кроме оперы, не интересовался. Мы все стояли за кулисами и слушали, возьмет Рудольф верхнее «до» в своей арии или нет. Но не думайте, что мы не увлекались девочками из балета... А закончил я институт в 41-м...

— Вы помните 22 июня вашего выпускного года?

— Мы должны были сыграть в тот день в Одесском драматическом дипломный спектакль, а вечером намечался банкет. И в антракте

Нога в ногу. Душа в душу (с женой)

«Версия полковника Зорина»

Борис Владимирович — жене: «Это что — чай, что ли?!»

«Фронтовики, наденьте ордена!»

те мы узнали, что началась война. Все-таки мы спектакль этот отыграли. А дома мамы трясутся. Я говорю: «Мама, ну что ты?! Да этих немцев мы в три месяца разобьем». Сначала служили в истребительном батальоне в самой Одессе, вылавливали диверсантов, которые ночами подсвечивали цели для бомбардировщиков. 6 июля нас поездом отправили на фронт... А в апреле 1942 года меня на Северо-Западном фронте убило. В буквальном смысле: у меня было двадцать два ранения. Выжил я только потому, что здоровьем Бог не обидел.

— А после госпиталя вы вернулись в театр?

— В 1943 году я из Рыбинска, где жил у знакомых, приехал в Москву, пошел к Юрию Завадскому, и он взял меня к себе. С 1 февраля 1944 года я — актер Театра имени Моссовета. И сейчас пошел пятьдесят четвертый

сезон моей здесь работы. Но первый мой сезон был просто удивительный. Ведь тогда это была лучшая труппа в Москве, тем более что не все театры еще вернулись из эвакуации. Здесь играл первый ряд русской сцены: Пыжова, Орлова, Астангов, Ванин. Мы как раз тогда репетировали «Нашествие», и Завадский мне сказал: «Боря, ты знаешь, как немцы служат. Объясни нашим, как они должны ходить, отдавать честь, как одеваться». Это было знако-

мо, и вот я, не дыша, объяснял им, звездам, что немец ходит так, а не эдак, это носится на правой стороне, а не на левой, тут шарфика быть не может. И моей самой первой ролью в театре был немецкий охранник в гестапо, причем играл даже не сам я, а только мои ноги. Это была сцена в подвале, где сидели арестованные подпольщики, и Завадский, чтобы это показать, сделал на верхотуре окно, в котором мы с актером Сергеем Цейцем ходили, изображая гестаповцев, но видны были только наши шинели и сапоги.

— Но это был не последний фашист, которого вы играли на сцене?..

— Была у меня роль в спектакле «Операция «С Новым годом» (а фильм по нему называется «Проверка на дорогах»). Я играл очередного немца и говорил на немецком двадцать минут, не зная языка. Моим учителем был настоящий разведчик, который в войну служил в высоких чинах в Берлине. Он разговаривал на, что называется, хох-дойч. Начитал мне мою роль, поставил речь, и я говорил, не зная, что говорю. А уже потом, когда побывал на съемках в Германии и решил повторить